

Пятница, 30 июля 1904 г.

Условия продажи и доставки. В редакцию и
загородным подписчикам:

В к.—9 р. 11 к.—8 р. 50 к. 10 к.—8 р. 9 к.—7 р.
В к. 8 к.—6 р. 50 к. 7 к.—5 р. 75 к. 6 к.—5 р. 5 к.—
4 р. 25 к. 4 к.—3 р. 50 к. 3 к.—2 р. 75 к. 2 к.—2 р.
1 к.—1 р.

За пересылку заград. взим. добавоч. 60 к. ежем. почт.

Подписка принимается с каждого 1-го числа.

За перемену адреса взимается 25 к.

В объявлении: за строку, занимаемую печатом на 1-й стро-
ке, 20 к., на 4-й строке—10 к.

Вре многократ. печатании—скидка по соглашению.

За раск. вразомов при газет—8 р. отъ каждой тысячи.

Почта вконтра посылается въ Ростовъ на Дону, на Бом.

Савовой улич. въ собств. домъ.

Котора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 6 ч. ве-
чера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Реклама вконтра въ Ростовъ на Д. и въ отдаленных—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

№ 201 Годъ четырнадцатый. № 201.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Пятница, 30 июля 1904 г.

Редакция газеты помещ. въ Ростовъ на Дону, на Бом.
Савовой улич. въ собств. домъ.

Редакция для кнж. обществ. откр. отъ 12 до 2 ч. дня.

Статьи должны быть доставлены съ подписью и авто-
графомъ автора. Принятые статьи, не усмотренны редакцией,
подлежатъ измѣненію и содѣженію. Статьи безъ обо-
значенія условій считаются безплатными. Мотивы замѣтокъ
уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяцъ. Пересылку
рукописей обратно авторамъ редакція на себя не при-
нимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявления для глас. "Приволжскій Край" (въ 12 стр.) фирмъ
и торговыхъ, размѣщаются въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Рязани, Харькѣ, Одессѣ, Привлеченскѣ, Ростовѣ
на Дону, и размѣщаются исключительно въ централь-
ной конторѣ объявленій торгового агента, на 3 Мещинъ въ
Москвѣ, въ домѣ Сыткова, и въ отдѣлѣ "Вѣстникъ" С.-Пе-
тербургъ на В. Мещинъ, № 11, и въ Варшавѣ, Краковѣ
и пр. № 58.—по таксѣ: первая строка въ 12 к., а
дальше каждая по 25 к. за строку печатанія—включительно
въ мѣсяцъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЧЕХОВСКИЙ МІРЪ.

I.

Нѣсколько общихъ замѣчаній.

Не помню, какой уже разъ я перечитываю тоненькія книжечки, въ которыхъ Марксъ издалъ произведенія Чехова. Чеховъ именно принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ можно читать десятки разъ, и каждый разъ будешь получать отъ этого чтенія новое наслажденіе, каждый разъ будешь замѣчать новыя черты, которыя какъ то ускользали при предыдущихъ чтеніяхъ,—словомъ, каждый разъ чтеніе оказывается столь же, а порою и болѣе интереснымъ, нежели первое чтеніе. Со мною въ настоящее время именно происходитъ послѣднее: никогда еще ранѣе образъ Чехова не представлялся мнѣ такимъ живымъ, такими выпуклыми, какъ въ настоящее время. Лежитъ ли причина въ томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня смерть покойнаго писателя, время ли теперь такое, особенно неравное, или причина заключается въ чемъ-либо другомъ,—только никогда еще ранѣе изображенія Чеховымъ лица не представлялись мнѣ до такой степени реальными, полными самой настоящей жизни. И чѣмъ далѣе идетъ чтеніе, тѣмъ сильнѣе это ощущеніе жизненности героевъ произведеній Чехова,—и порою кажется, что всѣ эти лица, съ которыми я знакомлюсь по Чехову, находятся тутъ же, возлѣ меня, и я вотъ-вотъ услышу голоса этихъ многочисленныхъ персонажей всѣхъ возрастовъ и положеній и обоихъ половъ.

Можете себѣ представить, съ какими удивленіемъ прочиталъ я нѣдѣльнѣе разсужденія одного критика о томъ, что у Чехова именно образовъ то и нѣтъ. Критикъ противопоставлялъ Чехову Тургеневу и говорить, что «достаточно произнести имя Елены или Руины или Базарова, или Аси, чтобы передъ читателемъ воскресли знакомыя черты, послышались опредѣленные рѣчи, сложился ясный и яркій характеръ, но попробуйте

повторить то же самое съ героями Чехова, попробуйте назвать имена Вѣликсва, Анны Акимовны, Астрова, Коврина,—и вы увидите недоумѣніе на лицахъ слушателей: ни для кого изъ нихъ эти имена не дадутъ опредѣленнаго понятія, яркихъ чертъ, вполне яснаго характера». Критикъ, сдѣлавъ это удивительное открытіе, даетъ ему и объясненіе: «Тургеневъ изображалъ личности, Чеховъ имѣлъ дѣло съ безличіемъ». Чеховъ, по мнѣнію критика, изображалъ «не лицъ, съ ярко отличающимися одна отъ другой физиономіями, а толпу, въ которой исчезаютъ черты, рѣзко характеризующія отдѣльныхъ индивидуумовъ, въ которой каждый представляетъ собою такого же «человѣка толпы», какъ и сосѣдъ».

По отношенію къ Чехову наша критика, какъ извѣстно, вообще проявила себя весьма своеобразно. Кажется, не было еще другого писателя, въ отношеніи къ которому присяжная критика проявила бы столько непониманія, неумѣнья дать надлежащую оцѣнку особенностей таланта писателя, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ Чехову. Но, кажется, никогда намъ еще не приходилось читать болѣе странныхъ сужденій о Чеховѣ, чѣмъ приведенныя. У Чехова нѣтъ образовъ, нѣтъ ясныхъ и яркихъ характеровъ, у него только «безличіе», только толпа, члены которой ничѣмъ существеннымъ не отличаются одинъ отъ другого! Такого курьеза, казалось бы, нарочно нельзя придумать. И этотъ феноменальный курьезъ въ серьезъ пишется и печатается въ одномъ изъ распространеннѣйшихъ изданій. И притомъ авторъ этого изумительнаго отзыва о произведеніяхъ Чехова—его большой поклонникъ и пишетъ съ цѣлью внушить читающей публикѣ здравое понятіе о цѣнности чеховскаго творчества.

Неужели имена Иванова, «Дяди Вани», «Чайки», или даже «Печенъга», «Ариадны» и «Анны на шеѣ» такъ-таки и не напоминаютъ ничего читателю? Неужели все это—простое, сплосное «безличіе», а не яркія, опредѣленные лица, которыхъ уже никакнѣ чудомъ нельзя смѣшать въ одну массу? И если даже имена Вѣликова, Коврина и другихъ не вызываютъ въ читателѣ никакихъ опредѣленныхъ образовъ, то развѣ дѣло не объясняется крайне просто тѣмъ, что

читатель не запомнилъ этихъ именъ: прочитавъ цѣлый романъ въ 500 страницъ и не запомнить имени героя или героини этого романа—дѣло мудреное, но забыть имя героя разсказа въ 15—20 страницъ—совсѣмъ не мудрено. Но отъ этого образъ, окрещенный тѣмъ или инымъ забытымъ именемъ, не становится менѣе яркимъ, менѣе опредѣленнымъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно считать недостаткомъ опредѣленнымъ образъ «беззащитнаго существа» въ разсказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ только потому, что читатель забылъ, какое случайное имя дано ему въ этомъ разсказѣ? Неужели эта «женщина слабая, беззащитная», приводящая въ ужасъ персонажа цѣлаго банка,—не личность, а «безличіе», «человѣкъ толпы», ничѣмъ не отличающійся отъ всего ссѣда,—только потому, что читатель не помнитъ, что этой «беззащитной женщины» присвоена въ разсказѣ фамилія Шукотиной? Точно также неужели можно хотъ на минуту говорить о томъ, что Лизочка Кудринская, героиня чеховскаго разсказа «Страдальцы»,—эта молоденькая дамочка съ маленькими зубками, способными живѣе сгрызть человѣка, эта легкомысленная бабочка, порхающая съ огонькомъ на огонекъ, но умѣющая сохранить свои крылышки въ цѣлости и предпочитающая, чтобы за нее жгли крылья другіе, это великолѣпное изображеніе изящной хищницы по природѣ, —недостаточно ясна, ярка, опредѣленна и характерна, хотя бы читатель и забылъ ея фамилію, случайно приданную ей авторомъ?

Если уже говорить о данномъ предметѣ, то скорѣе можно было бы упрекнуть Чехова въ томъ, что его образы слишкомъ опредѣлены и ярки, слишкомъ, такъ сказать, подчеркнуты. Объясняется это, конечно, прежде всего манерою письма Чехова. Когда читатель знакомится съ изображеніемъ персонажемъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ страницъ, тогда онъ узнаетъ черты этого персонажа постепенно и незамѣтно для самого себя. Иное дѣло, когда тому же читателю преподносится миниатюра: здѣсь авторъ долженъ ознакомить читателя съ особенностями изображаемаго имъ типа на пространствѣ какихъ-нибудь 10-15 страницъ, и неудивительно, если авторъ проводитъ свои черты рѣзко и глубоко. Тутъ повторяется

то же, что имѣетъ мѣсто при изготовленіи микроскопическихъ препаратовъ: приходится окрашивать ихъ какимъ-либо яркимъ красящимъ веществомъ, чтобы выдѣлить нужныя черточки изъ общей крохотной картины. Но, благодаря этому обстоятельству, герои чеховскихъ произведеній всего меньше становятся «безличіемъ», не различаемою толпою, въ которой одинъ человѣкъ, какъ двѣ капли, похъ жъ на другого. Наоборотъ, образы Чехова становятся, благодаря указанной особенности его письма, только болѣе рельефными, болѣе точно очерченными и менѣе смѣшиваемыми съ сосѣдними.

Вообще, надо сказать, Чехову совсѣмъ не повезло на критиковъ. Исторія отношеній нашей критики къ Чехову прямо любопытна и сборникъ отзывовъ критиковъ о произведеніяхъ Чехова, подобный тѣмъ сборникамъ, которые появились относительно Толстого, Тургенева, Некрасова и др., былъ бы въ высшей степени поучителенъ, наглядно показывая, въ какой степени мало вліяетъ критика на отношеніе читающей публики къ писателю и его произведеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните, сколько времени наша критика совершенно игнорировала Чехова. Мы не говоримъ уже о тѣхъ первыхъ произведеніяхъ, которыя Чеховъ вынужденъ былъ помѣщать на задворкахъ нашей періодической литературы подъ псевдонимомъ «Чехонте». Конечно, перечитывая теперь эти произведенія, видишь, что и въ нихъ было самородное золото, а задача критики, между прочимъ, заключается и въ томъ, чтобы находить это золото среди хлама и обращать на него вниманіе читателей. Но если даже еще можно объяснить, почему критика проглядѣла Чехова, пока онъ былъ «Чехонте», то уже ровно ничѣмъ, кромѣ близорукости критиковъ, нельзя объяснить того обстоятельства, что Чехова замалчивали и тогда, когда онъ уже сталъ печататься подъ собственнымъ именемъ и сталъ появляться въ разпространенныхъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ «толстыхъ» журналахъ. Но и тогда, когда, наконецъ, наша критика стала удостоивать вниманіемъ произведенія талантливаго писателя,—какіе удивительные отзывы появились о немъ, причемъ—что всего

удивительнѣе—отрицательное отно-

шеніе къ Чехову проявили съ трогательнымъ единодушіемъ критики всѣхъ направленій, всѣхъ литературныхъ партій—отъ г. Буренина до г. Михайловскаго. Всѣ говорили о томъ, что Чеховъ—талантливъ, но что его талантъ погибаетъ зря. Упрекали его въ отсутствіи опредѣленнаго міросозерцанія, въ томъ, что онъ «идеализируетъ дѣйствительность», что онъ относится совершенно безразлично къ явленіямъ жизни, что для него совершенно безразлично, что ни изображать, что онъ отражаетъ дѣйствительность съ безстрашіемъ «механическаго аппарата» и дальше этого не идетъ и, что благодаря всему этому, у него никогда не можетъ установиться нравственной связи съ читающей публикой, что Чеховъ «съ холодною кровью почитываетъ».

А что же публика, что читатель? Прислушивался ли онъ къ голосу критики и, слѣдуя ея указаніямъ, проходилъ мимо писателя, котораго такъ убійственно аттестовали гг. критики? Ничуть не бывало. Еще въ то время, когда критика совершенно игнорировала Чехова, читатель уже зачитывался его произведеніями. И въ то время, когда критика утверждала, что читатель равнодушенъ къ Чехову и его произведеніямъ, публика раскупала одно изданіе чеховскихъ книжечекъ за другимъ, и эти книжечки выходили въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Оказалось, что критика сама по себѣ, а читатель самъ по себѣ, критики «съ холодною кровью пописывали», а читатели съ такою же холодною кровью «почитывали» ихъ писанія и затѣмъ спѣшили въ книжныя магазины покупать тоненькія книжечки Чехова или отыскивали книжку журнала, въ которой появлялось новое произведеніе Чехова. И когда Чеховъ умеръ и читающей публикѣ представился случай высказать свою оцѣнку работъ покойнаго, оказалось, что читатель нашелъ въ его произведеніяхъ очень опредѣленное міросозерцаніе, котораго не замѣчали гг. критики, и понялъ, что Чеховъ писалъ не только не какъ бездушный аппаратъ, а какъ человѣкъ, страшно отзывчивый къ явленіямъ дѣйствительности, какъ чуткій художникъ, понимавшій своимъ художественнымъ чутьемъ цѣну и значеніе этихъ явленій и умѣвшій выбирать изъ нихъ

именно то, что болѣе важно и нужно, на чемъ художнику именно и необходимо остановиться.

Въ послѣдніе годы жизни Чехова отношеніе критики къ нему, какъ извѣстно, рѣзко измѣнилось. Не было уже рѣчи о томъ, что Чеховъ «пантеистъ» (курьезнѣе этого изобрѣтенія нашей критики, кажется, нельзя и придумать!), что онъ съ одинаковою готовностью и одинаковымъ равнодушіемъ изображаетъ и звонъ колокольчиковъ, и самоубійство юноши, что у него нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ и идеаловъ. И такія рѣчи прекратились не по чему либо другому, какъ только потому, что просто стало невозможнымъ повторять подобный вздоръ. Чеховъ сталъ къ этому времени до такой степени извѣстенъ и знакомъ читающей публикѣ, что читать отзывы, подобные приведеннымъ, никто изъ читателей просто не сталъ. Послышались рѣчи иного сорта. Чехова стали превозносить, стали говорить о немъ не иначе, какъ въ хвалебномъ тонѣ, но сущность его творчества стали изображать въ такихъ чертахъ, которыя были, пожалуй, еще болѣе несправедливыми для писателя, чѣмъ тѣ странныя отзывы, которые раздавались по адресу Чехова ранѣе и образчики которыхъ приведены выше. Именно критики стали увѣрять читателей, что Чеховъ изображаетъ не лицъ, не типы, а «настроения». Персонажи произведеній Чехова оказывались чѣмъ-то въ родѣ символовъ, долженствующихъ изображать переживаемыя нашимъ обществомъ настроенія. Одинъ изъ критиковъ даже прямо выразилъ эту мысль въ самой опредѣленной формѣ и далъ даже своего рода толковый словарь къ произведеніямъ Чехова, нѣчто въ родѣ сонника, гдѣ объяснено, что значить каждый предметъ, видѣнный во снѣ: такой то герой Чехова является символомъ такого то общественнаго настроенія, а такой то—иного. И даже теперь, послѣ смерти Чехова, когда съ достаточною ясностью выразилось, какъ почитали Чехова и его героевъ читатели, отнюдь не увидѣвшие въ этихъ герояхъ символовъ какихъ-то настроеній, а принявшіе ихъ за то, что они есть,—за изображеніе живыхъ, дѣйствительныхъ типовъ, переполнявшихъ нашу жизнь, и теперь еще гг. критики стараются приподнять по-

кровь таинственности надъ тѣмъ, что, казалось бы, такъ ясно и въ чемъ ничего таинственнаго нѣтъ. Критикъ, утверждавшій недавно, что у Чехова нѣтъ опредѣленныхъ образовъ, а есть только изображенія «безличія», серьезно развиваетъ ту мысль, что Чеховъ въ своихъ горяхъ имѣлъ въ виду отразить «утомленіе», которое, будто бы, переживало наше общество за «чрезмѣрно усиленнымъ трудомъ», «семидесятниковъ», которые «жили интенсивною дѣятельностью сердца». «Подобно тому, какъ при постоянной тяжелой физической работѣ сердце гипертрофируется и исполняетъ все болѣе и болѣе тяжкій трудъ, увеличенное сердце этого поколѣнія (70-хъ годовъ) работало съ ускоренною силою, стремясь совершить то, что дѣлалъ библейскій силачъ. Но для всякаго гипертрофированнаго сердца наступаетъ моментъ, когда тяжелая работа становится уже не подъ силу, когда сердце теряетъ возможность прогрессивно увеличиваться, и тогда наступаетъ кризисъ, начинается періодъ сердечной слабости». Вотъ эту то «сердечную слабость», которую будто бы страдало русское общество послѣ 70-хъ годовъ, и изображалъ Чеховъ. Какъ видитъ читатель, это объясненіе чрезвычайно учено, необыкновенно умно и до того туманно, что собственноручно и не разберешь, есть ли какой-нибудь челоѣческій смыслъ во всемъ этомъ. Но зато нельзя не сказать, что вся эта тирада не имѣетъ никакого отношенія къ Чехову и его произведеніямъ. Уже, конечно, «печеньги», «три сестры», «дяди Ваня» и т. д. жили совершенно такою же жизнью въ пресловутые 70-е годы, какъ и въ 80-е и послѣдующія десятилітія, и какъ они будутъ еще долго жить и въ XX вѣкѣ. Поклонники Чехова, видѣшіе въ его произведеніяхъ какіе то «символы» и «настроения», утверждающіе, будто онъ изображалъ «настроения» того поколѣнія, къ которому принадлежалъ, т. е. поколѣнія 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія—(и почему Чеховъ принадлежалъ къ этому поколѣнію? Только потому что онъ въ 80-е годы учился въ университетѣ?)—не понимаютъ, до какой степени они унижаютъ даровитаго писателя и его значеніе. Если бы вѣрно было утвержденіе, что Чеховъ изображалъ настроеніе людей 80-хъ годовъ, то значеніе его произведеній

къ настоящему времени было бы уже развѣ только историческимъ, а еще черезъ одно поколѣніе его уже никто и читать не сталъ бы. Между тѣмъ, Чеховъ никогда такъ не читался, какъ именно теперь, и, несомнѣнно, будетъ еще долго любимымъ писателемъ читателей и займетъ мѣсто въ библиотекѣхъ рядомъ съ тѣми писателями, которые читаются постоянно и въ одинаковой мѣрѣ всѣми поколѣніями. И происходитъ это отъ того, что Чеховъ даетъ образы, принадлежащіе не тому или иному десятилітію (трудно представить себѣ что либо близорукое, чѣмъ это дѣленіе художественныхъ образовъ по десятилітіямъ, въ которыя они появились или въ которыя учились ихъ авторы), а постоянно присущіе нашему обществу, составляющіе его неизбѣжную и неизмѣнную принадлежность. Типы Чехова были ранѣе появленія его самого на свѣтъ и будутъ еще долго, очень долго, быть можетъ, сотни лѣтъ присущи нашему обществу. И именно въ томъ, что нашъ художникъ сумѣлъ изобразить эти постоянныя типы людей, что въ его произведеніяхъ отразилось то общее, что принадлежитъ не одному какому-нибудь общественному поколѣнію, а цѣлому продолжительной эпохѣ, цѣлому общественному типу, цѣлому фазису общественнаго развитія,—въ этомъ и заключается его заслуга, значеніе и цѣнность, а не въ отраженіи мимолетныхъ и постоянно мѣняющихся «настроеній».

По поводу произведеній Чехова можно написать многое, ихъ можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ нихъ можно найти матеріалъ для разантія многихъ темъ. Намъ же именно хотѣлось бы въ послѣдующихъ статьяхъ обозрѣть наиболѣе часто фигурирующіе въ произведеніяхъ Чехова типы, такъ какъ, несомнѣнно, отражая замѣчательно правдиво жизнь нашего общества, Чеховъ останавливался на томъ или иномъ типѣ тѣмъ чаще, чѣмъ чаще этотъ типъ встрѣчается въ жизни, и, такимъ образомъ, галерея наиболѣе часто встрѣчающихся у Чехова типовъ представить намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, именно галерею наиболѣе обычныхъ типовъ нашей жизни.

Я. Абрамовъ.